

Рипейские горы и Арктика: о происхождении одного влиятельного представления¹

Д. В. Панченко

1.

Аристотель был склонен считать, что самые большие реки стекают с самых высоких гор. В связи с этим он делает в «Метеорологике» следующее замечание: «За крайней Скифией, уже под самой Медведицей, находятся так называемые Рипы. Рассказы об их высоте баснословны, однако же оттуда текут, как говорят, многочисленные и величайшие после Истра реки» (*Mete.* 350b7). Несколько дальше, в связи с представлением, согласно которому Азовское море течет в Черное море, а Черное море — в Эгейское, он в качестве косвенного подтверждения такого положения дел ссылается на влиятельное мнение: «Многие из старинных исследователей небесных явлений были убеждены в том, что Солнце движется не под Землей, но вокруг Земли... а исчезает и творит ночь оттого, что на севере Земля возвышается» (*Mete.* 354a28; пер. А. В. Лебедева). Во втором из приведенных текстов Аристотель не говорит явным образом о горах, однако упоминание в первом из них баснословной высоты Рипейских гор побуждает думать, что перед нами два варианта одной и той же идеи: высокие горы на севере, именуемые Рипейскими, ночью заслоняют от нас свет солнца. В этом смысле показательно, что у Софокла «ночная» Рипа находится на севере (*Soph.* *OC* 1248). Все это так обычно и понимают, а утверждение Аристотеля относительно «старинных исследователей небесных явлений» иллюстрируют свидетельством Ипполита о взглядах Анаксимена: «Солнце прячется не потому, что заходит под Землю, но потому, что скрывается за более высокими частями Зем-

ли, а также оттого, что удаляется от нас на большее расстояние» (13 A 7.6 Diels-Kranz).

При этом было отмечено, что базовая идея должна быть древнее ионийской науки, поскольку уже в поэзии Алкмана (во второй половине VII в. до н. э.) о горе Рипас говорится как о «груди черной ночи» (fr. 90 Page). Мы лишены контекста строчки, цитируемой древним ученым, и точный смысл метафорического выражения остается не вполне ясным, однако очевидно, что гора Рипас здесь существенным образом связана с феноменом ночи, и трудно предположить что-либо другое, кроме того, что напрашивается на основании более поздних текстов: гора Рипас порождает ночь, заслоняя солнце своей грудью. Кисслинг, автор обстоятельной статьи о Рипейских горах в RE, справедливо подчеркнул, что уже у Алкмана мы встречаемся и с функцией, и с именем Рипейских гор (хотя и не в каноническом варианте). На основании этого и других соображений Кисслинг заключил, что «мифические северные горы с самого начала имели астрономическое, космическое значение» и «было бы праздным искать их на карте»¹.

Подтверждение своим выводам Кисслинг усматривает в самом имени Рипейских гор. Он утверждает, что имя это греческое и что древние филологи были правы, связывая его с *ρίπτειν* («бросать») и *ρίπή* («напор, порыв»). Однако эту связь, по его мнению, следует понимать не так, как делали они: речь идет не о порывах Борея, но о стремительном движении солнца вокруг северного хребта, которое обусловлено действием ветра². На деле и древние филологи, и Кисслинг равным образом подменяют логические связи ассоциативными — они рассуждают не о свойстве гор (предмета, имя которого надо объяснить), а о свойстве ветра, предположительно связанного с этими горами.

Неубедительность этимологии сама по себе не отменяет выводы Кисслинга, но и тут имеются трудности, которые он отчасти видит, однако явно недооценивает. Речь идет о том, какую картину являет дневное движение солнца на пространстве, которое греческие географы и астрономы называли «обитаемым поясом», — в северном полушарии между тропиком и полярным кругом. В «летнее» полугодие, от весеннего равноденствия до осеннего, солнце здесь восходит на северо-востоке и заходит на северо-западе, а в «зимнее» полугодие оно восходит на юго-

¹ *Kiessling*. *Ῥίπατα ὄρη* // RE. 1914. 2. Reihe. Hb. I. Sp. 846–916, особ. 855.

² *Ibid.*

востоке и заходит на юго-западе. Отсюда совершенно ясно, что по меньшей мере в течение «зимнего» полугодия никакие горы на севере Земли или какое-то иное возвышение не могут быть причиной наступления ночи. Разумеется, остается фактом, что Козьма Индикоплов, автор «Христианской топографии», в своей полемике с научным объяснением мира, позволяет себе не задумываться (или даже не знать) о столь очевидном обстоятельстве, тем не менее представляется совершенно неправдоподобным, чтобы столь же беззаботен был тот, кто при помощи северных гор первым попытался объяснить феномен наступления ночи. Человек, претендующий на подобное откровение, встретил бы весьма холодный прием, и нелегко вообразить сообщество, в котором заведомо несостоятельное объяснение предпочли бы его отсутствию. Другое дело, когда в традиционном обществе какая-то идея уже пустила корни и передается из поколения в поколение, она продолжает жить, даже если ее обоснование забыто³. При определенных обстоятельствах она даже может быть использована критически мыслящими людьми, занятыми, как Анаксимен, объяснением мира. В интересующем нас случае могучие реки, текущие с севера в Черное море, указывали на разумность предания, и Анаксимен решил им воспользоваться в качестве одного из элементов своей космологии⁴.

³ Такое положение вещей дезориентировало, в моем представлении, тех современных ученых, которые в своих интерпретациях исходят из того, что в дописьменных и вообще традиционных культурах идеи могут формироваться совершенно произвольным образом, не встречая ни отпора, ни одобрения.

⁴ Система Анаксимена оставалась непонятой, пока не была разъяснена в наших недавних работах. Вкратце суть ее такова. Солнце ежедневно описывает орбиты меняющейся величины над землей, причем свет от него распространяется не далее некоего предельного расстояния. Когда солнце удаляется от нас на соответствующую величину, нам кажется, что оно сначала опускается вниз к горизонту (как свойственно выглядеть удаленным предметам), а затем заходит. Восход солнца означает, что солнце снова приблизилось к нам на такое расстояние, что мы его можем видеть; чем ближе оно к нам, тем выше стоящим над горизонтом оно кажется. В силу каких-то не безусловно ясных причин Анаксимен считал, что не все наблюдаемые явления, связанные с солнцем, можно объяснить указанным образом, и постулировал возвышение на севере. См.: *Panchenko D. Anaximenean Astronomy in the Light of Chinese Parallels // Tsinghua Studies in Western Philosophy*, 2015. Vol. I. N 2. P. 412–426; Панченко Д. В. На восточном склоне Олимпа: Роль греческих идей в формировании китайской космологии.

Сутью сказанного является утверждение, что идея высоченных гор на севере не могла возникнуть ради объяснения того, почему наступает ночь, — ни в научную, ни в донаучную эпоху.

В таком случае, кажется, следует обратиться к реальной географии. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом: Рипейские горы образуют устойчивый элемент античной и постантичной географической и картографической традиций, однако мы теперь хорошо знаем, что такого рода гор к северу от причерноморских степей нет — вплоть до Ледовитого океана. В Западной Европе, правда, имеются мощные горные системы, идущие в широтном направлении и лежащие к северу от обширных равнин, — Пиренеи, Альпы, Южные Карпаты. Но разве они на далеком севере? Согласно В. Бекерсу, М. Финкельбергу и А. В. Подосинову, Рипейскими горами изначально считались северные хребты, ближайшие к территории, занятой греческими поселениями, а по мере расширения географического кругозора греков Рипейские горы отодвигались все дальше на север⁵. Такое объяснение не лишено внутреннего изящества, но все же едва ли приемлемо. То, что греки, оказавшись в Северном Причерноморье, решили постулировать нечто несуществующее вместо того, чтобы принять как факт, что далеко не всюду равнина окаймляется с севера горами, можно, в принципе, объяснить тем, что северным горам приписывалась некая важная функция, которую решено было сохранить. Но почему они объявили, что Рипейские горы находятся в области, которую мы сейчас называем заполярьем, — «под самой Медведицей»? Причем Аристотель, пользующийся этим выражением, в самом деле резюмирует традицию. Автор одного из ранних трактатов в составе Гиппократова корпуса говорит, что Скифия включает области «под самыми Медведицами, у Рипейских гор, откуда дует Борей» («О воздухе, водах и местностях», 19). Согласно Дамасту, современнику Геродота, «Рипейские горы, откуда дует Борей, покрыты нетающим

СПб., 2016. С. 82–91; Парадокс древней аргументации шарообразности Земли // Логико-философские штудии. 2018. Т. 16. № 4. С. 377–393, особ. 384–389.

⁵ *Beckers W. J. Die rätselhafte Hochgebirge des Altertums, die sogenannten Rhipäen // Geographische Zeitschrift. 1914. Bd. 20. S. 534–557, особ. 538; Finkelberg M. The Geography of the Prometheus Vincitus // Rheinisches Museum. 1998. Bd. 141. H. 2. P. 119–141, особ. 123; Денисов А. О., Подосинов А. В. Рипейские горы в античной и средневековой геокартографии // Аристей XIV. 2016. С. 53–162, особ. 60, 157.*

снегом» (FGrHist 5. F 1), что также подразумевает их арктическую локализацию. По словам Авиена, позднего автора, но использующего источники, восходящие к сочинениям досократиков, северные горы скрывают солнце, когда оно «приближается к области Медведицы» (*Or. Mar.* 650). Причем у греков не было оснований представлять лежащими «под самой Медведицей» ни фракийские горы, ни Альпы, так что в этом отношении механизм переноса оказывается неприменим. Кроме того, в свете археологических исследований презумпция фундаментального незнакомства в Эгеиде с удаленными областями Европы лишена всякого правдоподобия, по крайней мере, для микенской эпохи⁶, а применительно к атмосфере упадка, наступившего в темные века, можно думать скорее о процессе, противоположном предполагаемому нашими предшественниками: представления, изначально связанные с отдаленными странами, могли быть приложены к периферии сузившегося мира⁷.

⁶ О контактах между Эгеидой и более северными регионами Европы см.: *Bouzek J. The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millennium B. C. Praha, 1985; Idem. Greece, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations during the Early Iron Age. Jonsered, 1997; Kristiansen K., Larsson T. B. The Rise of Bronze Age Society. Cambridge, 2005; Губанов И. Б. Бронзовый век Севера и Юга Европы: проблемы межэтнических контактов и реконструкции социальной структуры древнего общества. СПб., 2006. С. 31–57; Панченко Д. В. Викинги бронзового века и их наследие // *Stratum plus*. 2012. № 2. С. 79–143, особ. 82–83; *Suchowska-Ducke P. "The Mycenaean and Europe: Long-Distance Networks and Cultural Communication" // Aslaksen O. C. (ed.) Local and Global Perspectives on Mobility in the Eastern Mediterranean. Athens. 2016. P. 63–81; Панченко Д. В. Бритва как принадлежность воина европейского бронзового века: знак и функция // *Stratum plus*. 2021. № 2. С. 253–262; *Panchenko D. New Cultural Elements of European Origin in the Dark Ages of Attica // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2020. Vol. 26. P. 275–295.***

⁷ Например, река Эридан, ассоциировавшаяся с янтарем, превратилась в По, хотя янтарь, поступавший в Эгеиду, происходил с берегов Северного и Балтийского морей. Во всяком случае, я не могу принять тот подход, выразительной иллюстрацией которого может служить фраза одного из авторитетнейших знатоков греческих географических представлений, А. В. Подосинова: «Для греков, которые страдали от холодного северного ветра Борея, жившие за ним народы должны были казаться благословенными, потому что были лишены этого губительного дыхания ветра» (Денисов А. О., Подосинов А. В. Рипейские горы. С. 58–59). Во-первых, трудно поверить в подобную ограниченность кругозора людей, живущих

Получается, что, исходя из фактов географии, объяснить происхождение идеи о северных горах удастся не лучше, чем из предположений о ее изначальной астрономической функции. Справиться с этой апорией, однако, возможно. Ниже будет представлена гипотеза, которая соединит в один комплекс оба подхода к происхождению идеи о Рипейских горах: будет показано, что эта идея возникла из решения определенной астрономической проблемы и что подобное решение было непосредственным образом связано с совершенно особыми характеристиками вполне определенного региона; при этом предложенная гипотеза не встретит никаких существенных препятствий, относящихся к объяснению имени.

2.

В Европе есть регион, где по условиям места и времени идея о северных горах, закрывающих свет солнца, должна была возникнуть почти с необходимостью. Это Скандинавия II тыс. до н. э. Индоевропейцы принесли сюда представление о солнце, переносимом от востока к западу небесным конем⁸. Само солнце представлялось в виде диска, причем у этого диска лишь одна сторона считалась светлой, другая же — темной. Во время движения от восхода к закату солнечный диск, по этому представлению, оказывался обращенным своей светлой, правой стороной к обитателям умеренных широт. Когда конь достигал западных пределов неба, он разворачивался и устремлялся назад к востоку, обращая к тем, кто днем видел светлую сторону диска, его темную, левую сторону, — наступала ночь⁹.

Специфика южной Скандинавии, куда проникла индоевропейская культура боевых топоров, заключалась в том, что здесь поддерживали контакты с обитателями северной, заполярной части полуострова (Гольфстрим делает приморскую полосу заполярной Норвегии пригодной для оседлой жизни, и благодаря

близ моря и достаточно общающихся для того, чтобы выработать представления, разделяемые в разных местах. Во-вторых, люди, ничего не знающие дальше своих окрестностей, не станут строить предположений относительно условий жизни вдалеке от них; а если кто и станет, то будет поднят на смех как человек, претендующий на знание того, чего он не может знать.

⁸ Cf. West M. L. *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford, 2007. P. 201–207.

⁹ Подробнее см.: Панченко Д. В. *Диффузия идей в Древнем мире*. СПб., 2013. С. 83–92.

Гольфстриму водное пространство у берегов Норвегии — единственное место на свете, где перемещение из средних широт в заполярье не связано с преодолением избыточно суровых природных условий). Поэтому на юге Скандинавии знали о том, что на ее севере в течение скольких-то летних дней нет никакой ночи, солнце там не заходит, описывая над горизонтом полный круг. Отсюда следовало, что ночь наступает не от того, что солнечный диск поворачивается к нам темной стороной, а по какой-то другой причине и что солнце не ходит вперед-назад между востоком и западом, но ежедневно описывает круговые орбиты.

При этом не было причин отменять укорененное представление о солнечном диске — ничто в северных явлениях этому представлению не противоречило. И поскольку на западных берегах южной Скандинавии солнце казалось каждый вечер погружающимся в море, то было решено доставлять его на место восхода морским путем: и диск, и конь были сохранены, но теперь они возвращались к востоку, через север, на корабле (рис. 1) или каком-то ином плавсредстве, а ночь наступала оттого, что солнце скрывалось либо за бортом корабля, либо внутри особого сосуда¹⁰.

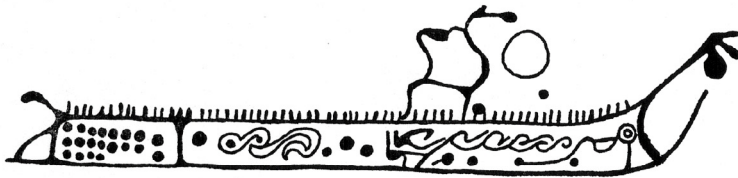

Рис. 1. Петроглиф из Эстерётланда, Швеция¹¹

Оставалось разрешить одно неизбежно возникавшее недоумение: почему, когда на севере полуострова солнце наблюдается незаходящим и день продолжается целые сутки, на юге полуострова и прилегающих областях, хотя день тянется долго, все-таки наступает ночь? В принципе, такого рода недоумения могут в традиционных культурах оставаться без ответа, однако в силу природных условий Скандинавии ответ лежал под рукой. Заполярное побережье Норвегии гористо. Горы эти достаточно

¹⁰ См.: *Panchenko D. Scandinavian Background of Greek Mythic Cosmography: The Sun's Water Transport // Hyperboreus. 2012. Vol. 18. Fasc. 1. P. 5–20.*

¹¹ *Gelling P., Davidson H. E. The Chariot of the Sun. London, 1969. P. 28. Fig. 12 g.*

масштабны для того, чтобы внутренняя часть страны и узкая полоска побережья оказались в разных климатических зонах. Горы, очевидно, загораживают потоки теплого воздуха, обусловленные Гольфстримом, и лежащая за ними страна представляет собой тундру уже даже на подступах к полярному кругу, чего не скажешь о побережье. По высоте они не очень велики в сравнении с другими именитыми горами, и все же некоторые из них выше километра, одна из вершин превышает 1700 м; расположенные дальше от побережья, в заполярной Швеции, горы превышают два километра. Но горам, заслоняющим свет северного солнца, не обязательно было быть особо высокими — ведь ночное солнце на широтах заполярной Норвегии совсем незначительно поднимается над горизонтом, а понимание того, что подлинная величина солнца несопоставима с кажущейся, было возможным лишь на основании теории солнечных затмений. В сознании тех, кто хотя бы мирился с условностью, согласно которой солнечный диск переносится по небу конем, солнце не должно было представлять огромным; и величина гор в заполярных частях Норвегии и Швеции легко могла казаться достаточной, чтобы скрыть на ночь солнечный свет.

Так, предполагаю я, возникла идея о северных горах, закрывающих солнце¹². Искателями приключений и новых мест обитания она была затем перенесена из Скандинавии в Эгеиду.

3.

У людей, покинувших Скандинавию, чтобы со временем (самим или их потомкам) обосноваться в Эгеиде, не было никаких причин отказываться от унаследованного представления — ведь в Греции солнце никогда не показывалось ночью. Здесь, правда, летние дни были не такими долгими, как в Скандинавии,

¹² На основании своих географических представлений Адам Бременский ок. 1075 г. отождествил Рипейские горы с северными горами Норвегии («Деяния епископов Гамбургской церкви», IV, 30 – 31). Спустя века, в ту пору, когда Швеция была великой европейской державой, локализацию Рипейских гор в Скандинавии (взятой в расширительном смысле) отстаивал в своем труде «Atlantica» (1679 – 1698) Улаф Рюдбек Старший. Я не читал его труд. Судя по изложениям, Рюдбек предлагал различать Гиперборейские горы, которые он помещал в центральной Швеции, и Рипейские, локализованные им в юго-восточной Финляндии (см.: Anttila T. The Power of Antiquity. The Hyperborean Research Tradition in Early Modern Swedish Research on National Antiquity. Oulu, 2014. P. 148).

и солнце даже в пору летнего солнцестояния всходило и заходило хотя и на северной половине горизонта, но все же намного ближе к оси «восток — запад». Если кто-либо из переселенцев и думал о таких вещах, то достаточно было предположить, что тут сказывается присутствие на севере еще какого-то горного хребта, более высокого и более протяженного, чем тот, что закрывает солнце от южной Скандинавии. Подобное заключение подкреплялось опытом людей, за время переселения чрезвычайно расширивших свой географический кругозор: везде, где они оказывались, к концу дня солнце скрывалось и наступала ночь. К тому же людьми, жившими более не на равнине, а среди гор, особые горы должны были мыслиться особо высокими, высоченными.

Разумеется, любой обитатель Эгеиды, взявший на себя труд задуматься, тотчас бы сообразил, что северные горы непригодны для объяснения того, почему наступает ночь, применительно к зимней половине года. Однако, повторим, следует различать две ситуации. Притом что новые объяснения интересных для всех природных явлений едва ли могут быть приняты некритически даже в традиционном обществе, укоренившиеся представления остаются там на долгие века. Они отбрасываются лишь тогда, когда им находится убедительная альтернатива. Даже греческой научной астрономии, созданной Фалесом, Анаксимандром и их последователями, понадобилось около двух веков, чтобы разобраться с тем, в силу каких причин свет и тьма чередуются в течение года и на разных широтах именно так, как это наблюдается. Любопытный грек донаучной эпохи готов был примириться с отсутствием у него (как и у всех других!) универсального объяснения феномена ночи; неплохо было хотя бы знать, что летом ночь наступает оттого, что солнце заслоняется высокими северными горами.

Переселенцы, появившиеся в Эгеиде на исходе микенского мира и в начале темных веков, были в большинстве своем, надо думать, молодыми воинами, и переселялись они не столько племенами, сколько группами под предводительством того или иного вождя — с этим, вероятно, связано настойчивое обыкновение греков постулировать некоего родоначальника-эпонима для каждой значительной этнической группы (Эллина для эллинов, Итала для италиков и т. п.). В Эгеиде такие переселенцы быстро становились греками по языку, а их потомки со временем теряли память о родинах своих предков, как и забывались или отбрасывались многие представления (скандинав-

ская экспансия в Средние века дает тому множество примеров). В интересующем нас случае можно думать об удивительной цепкости коллективной памяти в том отношении, что горы, закрывающие солнце, должны быть не просто к северу, но на крайнем севере, в Арктике — «под самой Медведицей». К сожалению, уверенности в этом нет. Выше отмечалось, что у греков, попавших в Северное Причерноморье, не было оснований считать, что горы, с которых, предположительно, текли великие реки, впадающие в Понт, находятся на крайнем севере. Но это для греков вообще. У ионийских ученых и философов могли быть свои особые резоны. Я, правда, не вижу, чтобы чья-либо система требовала локализации горного хребта, перехватывающего свет солнца, именно «под Медведицей», однако наши сведения слишком скудны, чтобы делать решительные выводы. В конце концов представимо и такое: крайний север было нетрудно объявить недоступным из-за холода, а недоступность служила бы ответом на недоумение, почему о великих горах, закрывающих солнце и дающих начало могучим рекам, ничего не известно от каких бы то ни было внушающих доверие свидетелей.

4.

Подчеркнем отличие нашей гипотезы от гипотезы Кисслинга. Увязывать чисто умозрительное конструирование высоченных гор на далеком севере с попыткой универсального объяснения феномена ночи означает либо игнорировать тот факт, что для обитателей умеренных широт северного полушария солнце в течение половины года восходит на юго-востоке и заходит на юго-западе (подозревать в этом Кисслинга не приходится, однако многие исследователи ионийской космологии действительно не принимали это в расчет), либо постулировать для древности наличие совершенно неправдоподобных межличностных отношений, предполагающих некритическое принятие любой идеи, апеллирующей при этом даже не к мистическому озарению или высшему авторитету, а к общедоступному опытному знанию (что солнце может прятаться за горами).

По нашей версии, идея возникла для объяснения не постоянного явления, а наблюдающегося лишь в течение относительно короткого времени — нескольких летних недель. Сравним: ту проблему, которую имеет в виду Кисслинг (почему вообще наступает ночь), идея северных гор не решает даже в глазах людей, обладающих самым ограниченным набором знаний, тогда как проблеме, почему в одни и те же дни лета в заполярной

Скандинавии солнце не заходит, а в южной — наступает ночь, идея северных гор дает убедительное решение — пусть и в ограниченных рамках знаний определенной эпохи.

Для версии Кисслинга нет никаких оснований в действительности, за исключением тривиального и не специфического опыта, согласно которому гора (как, скажем, и дом) может заслонить солнце. Предложенная здесь версия предъясвляет такие основания, указывая на совершенно конкретные особенности ландшафта заполярной Скандинавии.

Если следовать Кисслингу, то остается совершенно неясным, почему северные горы настойчиво помещают близ полярного круга, скорее даже — внутри него. В нашей версии такая локализация предстает как необходимость.

В соответствии с версией Кисслинга идея относительно северных гор берется, можно сказать, из ничего; всегда было известно, что ночью темно, солнца не видно, и вдруг кто-то решил объяснить это, причем без привлечения чего бы ты ни было, что не знали бы другие. Здесь же реконструируется специфическая проблема, возникавшая именно в специфических условиях Скандинавии и разрешимая лишь применительно к тамошним специфическим условиям (на севере Европы больше нигде нет плотной линии гор за частичным исключением Кольского полуострова, горы которого можно представить как продолжение скандинавских; да и сам полуостров, как и близкие к нему территории Карелии и Финляндии, исторически тесно связан со Скандинавией, и мы здесь в определенной мере учитываем весь этот историко-географический комплекс).

5.

Понятно, что гипотеза, предполагающая перенос идеи из Скандинавии в Грецию, многим читателям покажется, на первый взгляд, экстравагантной. Я бы и сам так подумал лет десять тому назад, но с тех пор допустимость подобного сценария обоснована в моих работах с разных сторон, а здесь будет уместным привести в ее пользу еще два довода — в развитие того, что уже было опубликовано.

Выше уже говорилось о том, что скандинавские памятники предполагают идею смены солнцем транспортного средства в его суточном движении по кругу: сначала солнце по небу несет небесный конь, а ночью солнце вместе с конем плывет на корабле. Смена солнцем транспортного средства — редкая в мировом масштабе идея. Однако благодаря Афинию нам известно,

что многие греческие поэты, в том числе очень ранние, в своих стихах упоминали ночное плавание солнца (Athen. XI, 469 c–470 d). Совершенно ясно, что днем солнце передвигалось по небу каким-то другим способом. Отчетливо смена транспортного средства выражена в стихах Мимнерма, старшего современника Солона: днем Гелиоса несут кони, запряженную в колесницу, а ночью он несется по волнам в некоем вогнутом крылатом ложе, изготовленном Гефестом (fr. 12 West)¹³. Если появление такой схемы в Скандинавии объясняется и близостью бескрайнего моря, и знанием о полярном дне, и встречей двух культурных традиций, местной и индоевропейской, то каких-либо оснований для независимого появления этой идеи в Эгеиде не видно. Прибавим к этому следующее. Одним из поэтов, упоминавших ночное плавание Гелиоса на особом плавсредстве, изготовленном Гефестом, был Эсхил — в недошедшей до нас трагедии «Гелиады» (TrGF 3 F 69). В другом фрагменте из этой же трагедии дочери Гелиоса называют Рипы «отцовскими» — Ῥίπαί μὲν δὴ πατρὸς Ἡελίου (TrGF 3 F 68). Значит, Рипейские горы имеют какое-то отношение к солнцу; и единственное, что приходит на ум, — это то, что они закрывают свет солнца. Такого рода связь между двумя фрагментами постулировал уже Кисслинг¹⁴. Но если он прав, то картина, нарисованная Эсхилом, превосходно соответствует той, что мы установили в качестве изначальной скандинавской идеи.

При этом идейная близость между Скандинавией и Грецией проявляется и на изобразительном материале. Корабль как самостоятельный изобразительный мотив — явление, чрезвычайно характерное для датских бритв и шведских петроглифов бронзового века. Корабль в таком качестве встречается и в греческом искусстве геометрического периода, причем это наблюдается и в Аттике, и в Арголиде, и в Беотии. И уж совсем примечательно обнаружить и в Швеции, и в Греции изображение корабля, перевозящего лошадь: приведенный выше петроглиф из Эстерётланда (рис. 1) можно сравнить с беотийской фибулой ранней архаической эпохи (рис. 2). Помимо очевидного сходства двух изображений, отметим, что в обоих случаях нос

¹³ См.: *Panchenko D. Scandinavian Background of Greek Mythic Cosmography*; Панченко Д. В. Диффузия идей. С. 55–65. Cf. *Massetti L. Antimachus's Enigma on Erythea, the Latvian Sun-goddess and a Red Fish // The Journal of Indo-European Studies*. 2019. N 1–2. P. 223–240.

¹⁴ *Kiessling. Ῥίπαία ὄρη*. Sp. 885–886.

корабля и лошадь смотрят направо — в соответствии с ходом ночного солнца с запада на восток через север. Правда, на беотийском корабле не видно солнечного диска — но так и должно быть: лошадь на корабле плывет ночью, а в Греции ночью солнца никогда не видно. Впрочем, на другой раннеархаической фибуле солнце показано рядом с кораблем и конем; здесь же лебедь и рыба — как знаки небесного и водного пространства (рис. 3). Сходный иконографический мотив — конь с привязанным солнечным диском над кораблем — известен и по шведским петроглифам (рис. 4).

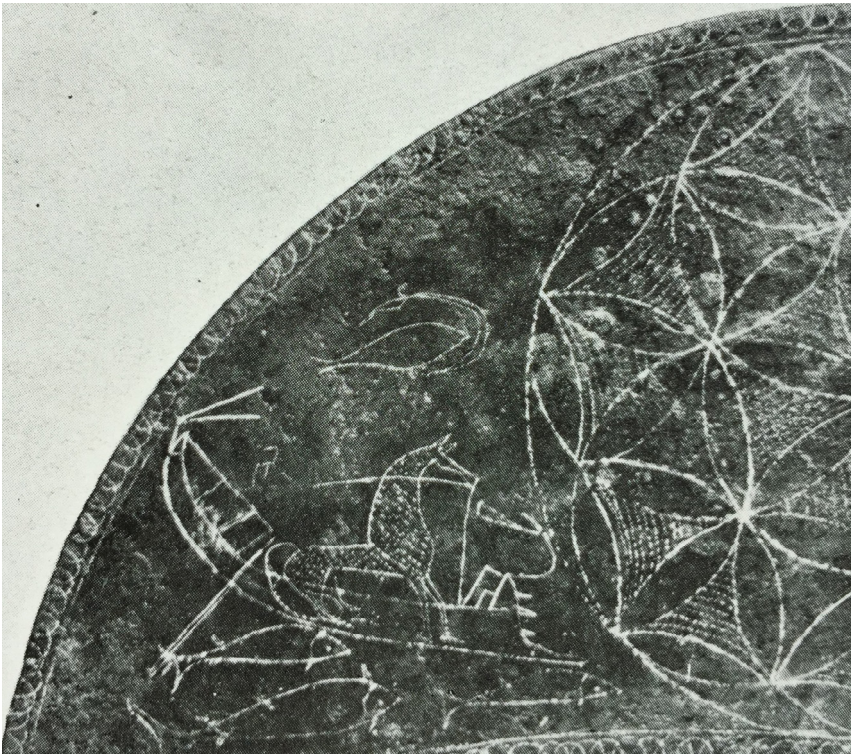

Рис. 2. Фибула, Беотия¹⁵

¹⁵ *Hampe R.* Frühe griechische Sagenbilder in Böotien. Athen, 1936. Taf. 5 (und S. 98–99, no. 62b).

Рис. 3. Фибула, Фисбы, Беотия¹⁶Рис. 4. Петроглиф из Бухюслэна, Швеция¹⁷

Прибавим к сказанному, что, в то время как имя Ῥίταια ὄρη не получает хорошего объяснения исходя из греческого, то исходя из протогерманского все получается, по-видимому, осмысленно и гладко. Так, Ян де Фриз сопоставляет это имя с древнескандинавским словом *gip* (крутой утес)¹⁸. Особую убедительность этому предложению дает то, что в древнегреческом

¹⁶ Hampe R. Frühe griechische Sagenbilder, S. 12. Abb. 1; Archäologischer Anzeiger. 1894. Nr. 1. S. 115–116. Abb. 1b.

¹⁷ Gelling P., Davidson H. E. The Chariot of the Sun. P. 93. Fig. 44 c.

¹⁸ Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1961. S. 447.

первый гласный долгий (Ῥῆπᾶν Soph. OC 1248, Ῥῆπαι Aesch. TrGF 3 F 68), что полностью соответствует германскому *gīr*¹⁹. Первый гласный долгий и у Алкмана (Ῥῆπας, fr. 90 Page)²⁰.

6.

Наша гипотеза о происхождении представления о северных горах, закрывающих солнце, постулирует для Скандинавии бронзового века — общества без письменности и без городов — ход мысли, мало отличающийся от научного. А именно осознается проблема, возникающая вследствие нового нетривиального опыта: почему в одно и то же время года в одном месте солнце видно над горизонтом целые сутки, а в другом — нет? В качестве решения проблемы предлагается умозрительное построение, оперирующее, однако, реальными, наблюдаемыми фактами и явлениями. Разумеется, научный ход мысли не предполагает таких механизмов кругового движения солнца, как конь и корабль. Но если бы творцы реконструируемой нами концепции воспринимали такого рода транспортные средства иначе, нежели принятые условности, они не стали бы напрягать свой ум — мало ли что может происходить с диском, носимым по небу волшебным конем, а по морю — волшебным кораблем! Реконструируемая концепция фактически строится на восприятии солнца как природного небесного тела. Правда, не видно причин полагать, что у скандинавских мыслителей бронзового века были какие-либо аргументируемые идеи о том, что такое солнце и чем в действительности обусловлено его движение (и что вообще такого рода идеи были кем-либо обнародованы ранее Анаксимандра). Этим мыслящим людям, очевидно, приходилось мириться с отсутствием убедительных взглядов на сей счет. Но это не меняет сути дела. Сходным образом греческая наука, превосходно объясняя природу лунного света и лунных затмений, мирилась с отсутствием хорошего объяснения того, почему Луна, будучи, подобно Земле, тяжелым телом, не падает (устойчивость самой Земли так или иначе связывалась с ее центральным положением в космосе).

Таким образом, речь идет о явлении, которое кажется уместным назвать протонаукой. Результат неожиданный. В ответ на возможные сомнения, не впадаем ли мы здесь в анахронизм,

¹⁹ На это обстоятельство мое внимание обратил Александр Николаев.

²⁰ *Budermann F. Alcman's Nightscapes (Frs. 89 and 90 PMGF) // Harvard Studies in Classical Philology. 2013. Vol. 107. P. 41.*

можно привести три возражения. Во-первых, не следует вставать на позиции априоризма. Во-вторых, уже само присоединение корабля к небесному коню, переносящему солнечный диск, свидетельствует о мыслительной работе, связанной с интерпретацией того, что происходит с солнцем и исходящим от него светом. В-третьих, наличие в Скандинавии бронзового века умозрительных (чтобы не сказать — теоретических) конструкций, относящихся к природным явлениям, находит подтверждение при внимательном рассмотрении нескольких примечательных строк из «Одиссеи». Они относятся к остановке Одиссея и его спутников на острове Кирки (или, как у Жуковского, Цирцеи). Предшествующая остановка была на земле лестригонов, в описании природных условий которой давно и, я думаю, по праву различают отголоски знания о белых ночах (Od. X, 82–86):

Там, возвращаясь с поля, пастух вызывает
 На поле выйти другого; легко б несонливый работник
 Плату двойную там мог получать, выгоняя пастись
 Днем белоруных баранов, а ночью быков криворогих:
 Ибо пути дня и ночи там близко подходят друг к другу²¹.

Речь идет о стране, где ночь, хотя и не вовсе отсутствует, длится очень короткое время. Как справедливо заметил Денис Пейдж, «сплошь длящиеся день или ночь мог придумать жрец, поэт или сказитель; однако почти сплошь длящиеся день или ночь — это явление другого рода»²². Естественно думать, что знание о белых ночах восходит к опыту северных мореплавателей, что оно от них тем или иным путем попало к Гомеру, и это готовит нас к адекватному восприятию следующих стихов (Od. X, 188–192):

Спутников верных своих на совет пригласив, я сказал им:
 «Спутники верные, слушайте то, что скажу вам, печальный:
 Нам неизвестно, где запад лежит, где является Эос;
 Где светоносный под землю спускается Гелиос, где он
 На небо всходит».

²¹ Последний из приведенных в переводе Жуковского стихов (ἐγγύς γὰρ υλκτός τε καὶ ἦματός ἐἰσι κέλευθοι) изменен для придания большего соответствия оригиналу.

²² Page D. Folktales in Homer's Odyssey. Cambridge, Mass. 1973. P. 47. Обстоятельней входить в дискуссии вокруг приведенных строчек здесь нет необходимости.

Если не исходить из совершенно произвольного допущения, что перед нами ничем не мотивированный полет фантазии, то единственным природным явлением, которое может стоять за описанным положением вещей — невозможностью сориентироваться по сторонам света, — является незаходящее солнце, наблюдающееся в разгар лета в высоких северных широтах. Дело, правда, обстоит не так просто, как кажется некоторым²³. Мы легко можем представить мореходов южной Скандинавии, проникших в воды заполярной Норвегии; можем представить себе их удивление видом незаходящего солнца, а также их озабоченность невозможностью ориентироваться ночью по звездам. Но мы при этом должны учитывать два обстоятельства. Во-первых, постепенность продвижения наших мореходов в северном направлении с соответствующей постепенностью в смене наблюдаемых явлений должна была предупредить их от чувства растерянности, выраженного в приведенных строчках. Во-вторых, даже на широтах Шпицбергена и даже в пору летнего солнцестояния полуденное солнце будет значительно выше, чем полуденное, так что определить, где юг и север, а соответственно — где запад и восток, окажется вполне возможным. Другое дело, что, если на полярном круге полуденное солнце в момент прохождения севера лишь скользнет по поверхности моря, то у Нордкапа оно поднимется над морской поверхностью почти на девять собственных видимых величин; у Шпицбергена — значительно больше, тогда как высота над горизонтом полуденного солнца соответственно понизится. Для умов, наделенных пытливецостью и воображением, было по силам представить: если дальше продвигаться на север, достигнешь места, где полуденное и полуденное солнце находятся на одинаковой высоте над горизонтом; и в этом месте определить, где юг, север, запад и восток, будет действительно невозможно. Поскольку добраться до Северного полюса древним мореходам было не по силам, представление об области, где невозможно определить стороны света, было не отражением непосредственного опыта, а умозаключением, основанным на логичной интерпретации наблюдаемых явлений. Таким образом, я предполагаю, что в строчках «Одиссеи» мы имеем дело с отражением древней космографической конструкции, причем речь идет о конструкции, основанной

²³ Винчи Ф. Гомер и Балтика. Саранск, 2004. С. 58. (К общей оценке идей Ф. Винчи см.: Панченко Д. В. Гомер, «Илиада», Троя. СПб., 2016. С. 232–233.)

на опыте, доступном лишь тем, кто плавал в заполярье. Совершенно естественно считать, что плавали туда обитатели более южных частей Скандинавии. И если все это рассуждение верно, то появление в Скандинавии бронзового века гипотезы относительно роли северных гор, перестает быть единственным примером мыслительной деятельности протонаучного характера.

7.

Стоит уточнить, что в древности циркулировали два внешне похожих и часто смешиваемых представления: одно, интересующее здесь нас, — о северном хребте, закрывающем солнце, и другое — о великой горе богов на севере — такой, как греческий Олимп, иранская Хара, индийская Меру. Обителью небожителей когда-то, по-видимому, мыслилась область околополярных, незаходящих (и тем самым как бы не умирающих) звезд, вращающихся вокруг средоточия неба. В связи с уподоблением небесных богов земным царям и царицам их со временем разместили на великой северной горе, выступившей субститутом околополярной небесной области. По крайней мере, об индийской Меру мы слышим, что она находится в центре земли, под самым небесным полюсом²⁴. Такого рода гора к тому же казалась подходящей опорой для неба, которое многие народы Евразии объявляли твердью. С Рипейскими горами, однако, не связано ничего фантастического, боги на них ни живут и ни собираются. Правда, у греческих и римских авторов часто выступает тесная ассоциация между Рипейскими горами и гиперборейями, но, во-первых, не очевидно, является ли эта связь изначальной или же она обусловлена локализацией и тех и других на далеком севере, и, во-вторых, даже если эта связь существенна, необходимо еще выяснить, принадлежат ли изначальное Рипей и гиперборей к тому же комплексу, что и гора под небесным полюсом.

А. В. Подосинов видит это иначе: «Прежде всего, следует отметить сопряженность Рипейских гор с предполагаемой осью мира, проходящей с севера на юг. Об этом свидетельствует, в частности, постоянно встречающееся в античности утверждение, что Рипей, как и тесно связанный с ними блаженный народ гипербореев, находятся под Медведицей, которая сама воспринималась как северная точка мировой оси. Типологически близки к этой идее взгляды древних иранцев на мифическую гору Хара Березайти — резиденцию Митры — и индийцев на гору

²⁴ Kirfel W. Die Kosmographie der Inder. Bonn, Leipzig, 1920. S. 15.

Меру — резиденцию Индры»²⁵. Мне трудно согласиться со сказанным. В одном отношении тут даже нет предмета для дискуссии: Медведица (что Большая, что Малая) является околополярным созвездием, обращаясь вокруг небесного полюса, и ее невозможно представить точкой мировой оси. Суть, однако, не в неудачном выражении. Материалы, которые дальше приводит А. В. Подосинов, конечно же, обнаруживают наличие в античной географической традиции тесной ассоциации между Рипейскими горами и околополярной областью, но они же выразительно показывают, что древние географы последовательно избегали размещения Рипейских гор непосредственно под небесным полюсом. Так, римский автор середины I в. н. э. Мела в своей «Хорографии» III, 36 пишет: «На азиатском побережье первыми находятся гипербореи за аквилоном и Рифейскими горами, под самой осью созвездий; там солнце восходит не каждый день, как у нас, но лишь во время весеннего равноденствия, а заходит только в осеннее равноденствие, так что день длится непрерывно шесть месяцев и столько же ночь»²⁶. Мы видим, что под полюсом помещены гипербореи, а Рипейские горы — перед ними, то есть к югу от них. Точно так же именно гипербореи (а не Рипейские горы) ассоциируются с небесной осью (*Hypereboraeus axis* и т. п.) у ряда других авторов (Plin. *HN* IV, 89; Stat. *Theb.* XII, 650; Iuven. VI, 470; Mart. Cap. VI, 214 G). Мы видим также, что именно место под полюсом характеризуется как такое, где день и ночь делятся по шесть месяцев.

Аналогичная схема обнаруживается и в том варианте, когда в паре с Рипейскими горами выступает остров Фула / Тиле. Согласно Плинию (*HN* VI, 219), самый северный из поясов, на которые географы делят земную поверхность, проходит «от Рипейских хребтов до [острова] Тиле; в нем дни и ночи, как я сказал, делятся попеременно». Как поясняет А. В. Подосинов, «в II, 186–187 и IV, 104 Плиний сообщал, что на острове Тиле шесть месяцев длится день и шесть месяцев — ночь»²⁷. Место с такой продолжительностью дня и ночи, понятно, должно находиться на по-

²⁵ Подосинов А. В. Языческое и христианское в раннесредневековых космологических и географических представлениях // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016. Памяти Г. В. Глазыриной. М., 2018. С. 196–210, особ. 197.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 198.

люсе (земном) и в его ближайших окрестностях; Рипеи, стало быть, вне этой территории.

Существенно, что римские авторы наследуют здесь древнюю схему. Мы находим ее уже у Геродота (IV, 25): «Итак, области до этих лысых людей нам еще знакомы, о том же, что выше их, никто с точностью сказать не может. Эти страны отделяют высокие, недоступные горы, и никто их еще не переходил. По словам лысых, на горах обитают, хотя я этому не верю, козлоногие люди, а за этими горами — другие люди, которые спят шесть месяцев в году. Этому-то я уж вовсе не верю» (пер. Г. А. Стратановского). Естественно думать, что люди спят шесть месяцев в году потому, что у них шесть месяцев продолжается ночь.

Что касается дня и ночи, длящихся по полгода, то, с одной стороны, мной было показано, что ко времени Геродота такое представление в принципе могло быть отголоском греческой науки²⁸. С другой стороны, люди науки не стали бы сочинять вздор о шестимесячной спячке (разве что историк отражает уже чью-то пародию на ученые взгляды); и сведения о горах, которые никто не переходил, тоже пришли не из науки. Похоже, мы имеем дело с древней традицией, «обогащенной» местными рассказами о лысых и козлоногих туземцах.

Как бы то ни было, перед нами горы на далеком севере, а еще дальше за ними область под небесным полюсом с ее полугодовой ночью и полугодовым днем. Таким образом, во-первых, возникает картина, точно соответствующая реальным географическим условиям, с которыми мы связали возникновение в Скандинавии представления о горах, закрывающих солнце; во-вторых, эта схема расходится с идеей мировой горы, расположенной на мировой оси.

Остается задержаться на влиятельных взглядах Г. М. Бонгарда-Левина и Э. А. Грантовского. Для них и Рипейские горы, и Меру, и Хара — отголоски единого комплекса представлений. Ведь вокруг Меру, отмечают они, солнце, луна и звезды ежедневно описывают круг; над ней движутся Семь божественных риши (семь звезд Большой Медведицы); ее вершины украшены золотом, они касаются небес; на Меру пребывают всемогущие боги, на ее вершине расположен дворец Индры; Меру — обитель постоянного света, от нее самой исходит сияние; вместе с тем

²⁸ Панченко Д. В. На восточном склоне Олимпа. С. 164–168.

в областях у Меру полгода продолжается день, полгода — ночь²⁹. Сходным образом «Митра, владеющий широкими пастбищами, первым из богов восходит над Харой впереди бессмертного быстроконного солнца»; Высокая Хара — светящаяся, вокруг горы вращаются звезды, луна и солнце; вершины Хары покрыты золотом; на ней пребывают многие великие боги; «на Харе, как и на Меру, помещали благодатную страну небожителей; туда могли попасть живыми лишь самые выдающиеся и справедливые герои»³⁰.

Северный склон Меру — это побережье Молочного моря, на севере которого находится «лучезарный остров» (Шветадви-па). И у подножия Высокой Хары лежит огромное водное пространство — Воурукаша, посреди которого остров, где живут священные животные, где растут необыкновенные растения, куда с великих гор слетают чудесные птицы³¹.

Приводя эти характеристики, авторы периодически вспоминают и о Рипейских горах. Действительно, у античных авторов то мелькнет великое море по соседству с Рипейскими горами, то гипербореев поместят на острове, то Геродот откажется верить, что на далеком севере есть люди, которые спят шесть месяцев. Но вот чего нет в описаниях Меру и Хары: мотива, что эти горы заслоняют свет солнца³². Между тем уже у Алкмана Рипа — это «грудь ночи». С другой стороны, о Рипейских горах не говорится, что они расположены в центре земли или что они сияют.

Правда, у трех гор или горных цепей (Меру неоднократно выступает и в таком качестве) есть еще одно сходство — они находятся не просто на дальнем, но и на холодном, заснеженном, труднодоступном севере. Юдхитхира и его спутники держат свой последний путь в сторону Меру; схожее происходит с героями «Шахнамэ»³³. Стремясь усилить впечатление от сходства, Бонгард-Левин и Грантовский пишут: «Судя по поэме Фирдоуси... некогда у иранцев бытовало представление о недоступности

²⁹ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. 2-е изд. М., 1983. С. 40–43, 62.

³⁰ Там же. С. 53–55, 62.

³¹ Там же. С. 43, 62.

³² Для Ирана ср.: Boyce M. Alborz ii. In *Myth and Legend*. // *Encyclopædia Iranica*, 1/8. P. 811–813 (<http://www.iranicaonline.org/articles/alborz-myth-legend>). В Индии этот мотив появляется у астрономов середины I тыс. н. э.

³³ Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. С. 56–61.

великих северных гор и о снежной преграде на подступе к ним. О том же говорят и более древние свидетельства “Авесты”: именно в той стране, где Йима создал обитель “блаженного народа”, властвует “суровая, гибельная стужа”, а от высочайших гор Хары идут облака снега, несущие зло и гибель людям и всему живому. В той же стране, как повествует другой текст “Авесты”, господствует зима, там десять зимних месяцев и лишь два летних... В “блаженной обители” люди лишь раз в год видят “заходящее и восходящее” солнце, и у них “один день — это то, что является годом”»³⁴.

Возникает вопрос: почему одни и те же горы то выступают излучающими свет обителями богов и величайших из героев, то суровым снежным царством? Напрашивающийся ответ — в силу контаминации двух разных представлений, которая оказалась возможной вследствие того, что оба представления связаны с крайним севером. Ни в греческом эпосе, ни в греческих мифах герои не отправляются в свой последний путь на север. И хотя я не вижу, каким образом представление о мировой горе под небесным полюсом могло развиться в особое представление о горном хребте, закрывающем ночью свет солнца (здесь в силе все возражения, приведенные против гипотезы Кисслинга), будет неосторожным категорически исключать возможность того, что Рипейские горы и суровые северные горы индоиранской эпической традиции являются отголосками общих представлений. Для моей гипотезы такой вариант означает лишь возможную корректировку предполагаемого механизма передачи идеи о северных горах из Скандинавии в Грецию — а именно ее передачу можно в таком случае связать не с относительно небольшими мобильными группами «викингов бронзового века», а с неким массовым исходом из Скандинавии, последствия которого сказались и в Греции, и в Иране, и в Индии. Иными словами, следует принять — разумеется, в модифицированном виде — теорию, которую более ста лет назад выдвинул Бал Гангадхар Тилак в своем обширном сочинении «Арктическая родина в Ведах»³⁵.

Полемика с этой теорией (впрочем, весьма уважительная) и составляет лейтмотив книги Бонгарда-Левина и Грантовского. Однако приведенная выше цитата из их труда свидетельствует, на мой взгляд, о том, что эта задача им не удалась. Говоря о стра-

³⁴ Там же. С. 65–66.

³⁵ В русском переводе: Тилак Б. Г. Арктическая родина в Ведах. М., 2001.

не, где десять зимних месяца и лишь два летних, авторы обходят молчанием самую важную характеристику этой страны: речь идет ни много ни мало об Арианам-Вайдже — исторической родине иранцев в соответствии с их преданиями!

Текст, который имеется в виду (сами Бонгард-Левин и Грантовский не дают в своей книге ни единой точной ссылки и далеко не всегда называют цитируемые или пересказываемые сочинения), — это «Видевдат» (или «Вендидад»), фаргард I, 2–3: «Во-первых, наилучшую из стран и мест обитания я, Ахура-Мазда, сотворил: Арианам-Вайджа с [рекой] Вахви-Датией. Тогда этому в противовес состряпал Анхра-Манью многопагубный змея рыжеватого и зиму, дэвовское творение. Десять месяцев там зимние, два — летние, и в эти [зимние месяцы] воды холодные, земли холодны, растения холодны там в середине зимы, там в сердцевине зимы; там зима [когда] идет к концу, там большое половодье»³⁶. Кажется ясным, что в этом парадоксальном рассказе (лучшая земля оказывается наименее пригодной!) отразились, с одной стороны, непредубежденное представление об исторической родине с ее северным холодным климатом (в связи с дальнейшим ухудшением которого, вероятно, и пришлось сняться с места), а с другой стороны — представление о том, что Ахура-Мазда в силу своей благостности и мудрости отвел для иранцев, конечно же, лучшую землю, а если она оказалась совсем не такой, то это произошло в силу вмешательства зловредного Анхра-Манью.

Фаргард II хорошо согласуется с подобной интерпретацией. В нем представлена история иранского Ноя — Йимы. Ахура-Мазда делает Йиму царем над землей. В его правление нет ни боли, ни смерти. За триста зим люди, скот и растения столь умножились, что на земле вот-вот не останется места³⁷. Йиме трижды удастся увеличить землю, но по истечении девяти сот зим боги и Йима собираются в Арианам-Вайдже, где Ахура-Мазда объявляет, что грядет пора катастрофы: все покроется снегом, а что уцелеет, смоят потоки воды при его таянии. Он велит Йиме построить Вар — огромный загон для лучших представителей людского рода, животных и т. д. Люди в этом Варе, гово-

³⁶ Пер. С. П. Виноградовой (Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост., общая ред., прим. И. В. Рака. СПб., 1997. С. 70–71).

³⁷ Сходный мотив имеется на греческом материале. В «Киприях» происхождение Троянской войны объяснялось решением Зевса снизить к мольбам Геи, чье бремя стало безмерно тяжелым от изобилия людей.

рят нам, жили прекраснейшей жизнью. Закрытое со всех сторон, это сооружение каким-то, недостаточно проясненным образом освещалось. В этой связи мы слышим, что год там подобен одному дню. Такие слова побуждают вспомнить о полугодовом дне и полугодовой ночи в области Меру и, конечно же, о смене дня и ночи на Северном полюсе и прилегающих к нему территориях, однако контекст (II, 40) недостаточно внятен. Вместе с тем совершенно ясно, что угрозой для всего живого в этом повествовании представлена зима, и кажется очень странным полагать, что такие рассказы заимствовались южанами от далеких северных народов в отсутствие основы в собственной исторической памяти³⁸.

Десять месяцев зимы и два месяца лета, по-видимому, отражают знакомство с условиями заполярья. «Летние» и «зимние» месяцы по погоде — понятия субъективные. Счет месяцам вели в древности по луне. В норвежской Алте (выбранной для примера, потому что рядом с ней в значительном количестве сохранились петроглифы, относящиеся к неолиту и бронзовому веку), на широте 69° 58' 36" N, солнце остается над горизонтом с 18 мая по 27 июля — два месяца с небольшим. В это время следить за лунными фазами весьма затруднительно, и эти месяцы как бы выпадают из нормального счета времени по луне. Возможно, такого рода рассуждение применимо и к более южным широтам, близ полярного круга, с их белыми ночами.

Сопоставляя слова Геродота о людях, которые спят по шесть месяцев, с полугодовыми днем и ночью в области Меру и сутками, подобными году, в повествовании о Йиме, естественно думать о том, что все это восходит к одному общему представлению. Поскольку такое представление решительно не тривиально и в известном смысле соответствует действительности, оно должно происходить, если не из науки (такой вариант, как было отмечено выше, не вовсе исключен, но маловероятен), то из опыта — вернее из умозаключения, сделанного на основе опыта. Если в Будё (я беру данные для побережья Норвегии), на широте 67° 28' 27" N, солнце находится над горизонтом 44 дня, то в Хаммерфесте, на широте 70° 39' 49" N, — 79 дней (а длительность белых ночей там приближается к половине года). Было нетрудным

³⁸ В «Меног-и Храт» 62.15-19 убежище, устроенное Йимой, локализуется в Эранвеже (что соответствует Арианам-Вайдже) и описывается как подземное; жизнь скрытых там людей длится 300 лет, у них мало болезней и невзгод (Авеста в русских переводах. С. 71. Прим. 2).

предположить (и в таком случае мы в очередной раз сталкиваемся с феноменом протонауки в Скандинавии!), что дальше на севере есть место, где день длится полгода, а ночь, соответственно, столько же. Такое поражающее воображение и опирающееся на бесспорные факты предположение легко могло приобрести статус знания.

«Лучезарный остров» в Молочном океане (или море) сходным образом может быть отражением знакомства с ледниками Шпицбергена. В связи с Молочным океаном, взятым отдельно, было бы допустимым думать о Млечном Пути, но тогда становится непонятным, как привязать к нему упомянутый остров, тогда как Шпицберген, состоящий, опуская уточнения, из трех крупных смежных островов, действительно находится в море, которое можно назвать «Молочным», причем на расстоянии, не исключающем попадания туда отдельных древних мореплавателей. Фантазии же относительно счастливых условий на крайнем севере можно объяснить логикой *wishful thinking*, которая отделила молву о крае незаходящего солнца от всех прочих сообщений.

Отметим еще присутствующий в повествовании о Йиме счет лет по зимам — неудивительный в холодных странах (не всякую зиму просто пережить!) и хорошо известный в Скандинавии.

Таким образом, трудно избежать заключения, что среди предков ариев были люди, хорошо знакомые с условиями жизни на крайнем севере, и это лишний раз подтверждает возможность распространения идей с севера Европы на огромные расстояния.

В любом случае горы на севере, через которые нельзя перейти, не обязательно тождественны тем, что заслоняют солнце. У недоступных гор своя функция — объяснить, почему невозможно добраться до страны людей, свободных от тягот, болезней и, может быть, смерти. В «Махабхарате» лишь Юдхистхире, утратившему в пути всех своих спутников, удастся попасть туда; в снегах гибнут спутники Кей-Хосрова. Сходным образом Пиндар говорит об острове гипербореев, не ведающих ни болезней, ни тягостной старости, что туда не добраться ни по суше, ни морским путем; из смертных это удалось лишь Персею (Puth. X, 29–31), но он-то, мы помним, обладал крылатыми сандалиями. Не исключено, что рассказ о непреодолимых северных горах тоже скандинавского происхождения. Возможно, он возник раньше, чем идея о горах, заслоняющих солнце, и помог вхождению ее в жизнь; возможно, он попросту циркулировал в других частях обширной Скандинавии. Существенно лишь то,

что он особый. Принесенные в далекую Эгеиду и ставшие достоянием панэллинского мира с его интенсивными коммуникациями, устными и затем письменными, два изначально разных представления о северных горах были обречены слиться в одно, и горы, заслоняющие солнце, стали неимоверно огромными и недоступными.

В итоге удается, как кажется, представить обоснованное и правдоподобное объяснение происхождения идеи о северных горах, заслоняющих свет солнца, — горах, получивших название Рипейские и ставших важной частью космографической, географической и картографической традиций. И если это так, то попутно устанавливается новый и существенный факт — наличие в Скандинавии бронзового века космологических построений, максимально приближающихся к статусу ранней науки. Таковы результаты данной работы.*

Использованная литература

Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост., общая ред., прим. И. В. Рака. СПб.: Журнал «Нева»; РХГИ, 1997.

Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. 2-е изд. М.: Мысль, 1983.

Винчи Ф. Гомер и Балтика. Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2004.

Губанов И. Б. Бронзовый век Севера и Юга Европы: проблемы межэтнических контактов и реконструкции социальной структуры древнего общества. СПб.: Наука, 2006.

Денисов А. О., Подосинов А. В. Рипейские горы в античной и средневековой геокартографии // Аристей XIV. 2016. С. 53–162.

Панченко Д. В. Викинги бронзового века и их наследие // Stratum plus. 2012. № 2. С. 79–143.

Панченко Д. В. Диффузия идей в Древнем мире. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.

Панченко Д. В. Гомер, «Илиада», Троя. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016.

* Я признателен Д. Ю. Климушкину за обсуждение астрономических вопросов.

- Панченко Д. В. На восточном склоне Олимпа: Роль греческих идей в формировании китайской космологии. СПб.: Наука, 2016.
- Панченко Д. В. Парадокс древней аргументации шарообразности Земли // Логико-философские штудии. 2018. Т. 16. № 4. С. 377–393.
- Панченко Д. В. Бритва как принадлежность воина европейского бронзового века: знак и функция // *Stratum plus*. 2021. № 2. С. 253–262.
- Подосинов А. В. Языческое и христианское в раннесредневековых космологических и географических представлениях // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016. Памяти Г. В. Глазыриной. М., 2018. С. 196–210.
- Тулак Б. Г. Арктическая родина в Ведах. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.
- Anttila T. The Power of Antiquity. The Hyperborean Research Tradition in Early Modern Swedish Research on National Antiquity. Oulu: University of Oulu, 2014.
- Beckers W. J. Die rätselhafte Hochgebirge des Altertums, die sogenannten Rhipäen // *Geographische Zeitschrift*. 1914. Bd. 20. S. 534–557.
- Bouzek J. The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millennium B. C. Praha: Academia, 1985.
- Bouzek J. Greece, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations during the Early Iron Age. Jonsered: P. Åström, 1997.
- Boyce M. Alborz ii. In *Myth and Legend*. // *Encyclopædia Iranica*, I/8. P. 811–813 (<http://www.iranicaonline.org/articles/alborz-myth-legend>).
- Budelmann F. Alcman's Nightscapes (Frs. 89 and 90 PMGF) // *Harvard Studies in Classical Philology*. 2013. Vol. 107. P. 35–53.
- Finkelberg M. The Geography of the *Prometheus Vincitus* // *Rheinisches Museum*. 1998. Bd. 141. H. 2. P. 119–141.
- Gelling P., Davidson H. E. The Chariot of the Sun. London: Phoenix House, 1969.
- Hampe R. Frühe griechische Sagenbilder in Böotien. Athen: Deutsches archäologisches Institut, 1936.
- Kirfel W. Die Kosmographie der Inder. Bonn, Leipzig: Schroeder, 1920.
- Kiessling. Ῥίπαια ὄρη // *RE*. 1914. 2. Reihe. Hb. I. Sp. 846–916.
- Kristiansen K., Larsson T. B. The Rise of Bronze Age Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Page D. Folktales in Homer's Odyssey. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1973.

Panchenko D. Scandinavian Background of Greek Mythic Cosmography: The Sun's Water Transport // Hyperboreus. 2012. Vol. 18. Fasc. 1. P. 5–20.

Panchenko D. Anaximenean Astronomy in the Light of Chinese Parallels // Tsinghua Studies in Western Philosophy, 2015. Vol. I. N 2. P. 412–426.

Panchenko D. New Cultural Elements of European Origin in the Dark Ages of Attica // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2020. Vol. 26. P. 275–295.

Suchowska-Ducke P. "The Mycenaean and Europe: Long-Distance Networks and Cultural Communication" // Aslaksen O. C. (ed.) Local and Global Perspectives on Mobility in the Eastern Mediterranean. Athens: The Norwegian Institute at Athens, 2016. P. 63–81.

Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Leiden: Brill, 1977.

West M. L. Indo-European Poetry and Myth. Oxford: Oxford University Press, 2007.

References

Avesta v russkikh perevodah (1861–1996). SPb., 1997.

Bongard-Levin G. M., Grantovskij E. A. Ot Skifii do Indii. M., 1983.

Vinchi F. Gomer i Baltika. Saransk, 2004.

Gubanov I. B. Bronzovij vek severa i juga Evropy. SPb., 2006.

Denisov A. O., Podosinov A. V. Ripejskie gory v antichnoj i srednevekovoj geokartografii // Aristeas XIV. 2016. S. 53–162.

Panchenko D. V. Vikingi bronzovogo veka i ih nasledie // Stratum plus. 2012. N 2. S. 79–143.

Panchenko D. V. Diffusija idej v Drevnem mire. SPb., 2013.

Panchenko D. V. Gomer, Iliada, Troja. SPb., 2016.

Panchenko D. V. Na vostochnom sklone Olimpa. SPb., 2016.

Panchenko D. V. Paradox drevnej argumentazii sharoobraznosti Zemli // Logoko-filosofskii shtidii. 2018. T. 16. N 4. S. 377–393.

Panchenko D. V. Britva kak prinadlezhnost voina evropejskogo bronzovogo veka: znak i funkzija // Stratum plus. 2021. N 2. S. 253–262.

- Podosinov A. V.* Jazycheskoe i hristiaskoe v hannesrednevekovyh kosmologicheskikh i geograficheskikh predstavlenijah // *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 2016. Pamyati G. V. Glazyrinoj. M., 2018. S. 196–210.
- Tilak B. G.* Arkticheskaja rodina v Vedah. M., 2001.
- Anttila T.* The Power of Antiquity. The Hyperborean Research Tradition in Early Modern Swedish Research on National Antiquity. Oulu: University of Oulu, 2014.
- Beckers W. J.* Die rätselhafte Hochgebirge des Altertums, die sogenannten Rhipäen // *Geographische Zeitschrift*. 1914. Bd. 20. S. 534–557.
- Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the Second Millennium B. C. Praha: Academia, 1985.
- Bouzek J.* Greece, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations during the Early Iron Age. Jonsered: P. Åström, 1997.
- Boyce M.* Alborz ii. In *Myth and Legend*. // *Encyclopædia Iranica*, I/8. P. 811–813 (<http://www.iranicaonline.org/articles/alborz-myth-legend>).
- Budermann F.* Alcman's Nightscapes (Frs. 89 and 90 PMGF) // *Harvard Studies in Classical Philology*. 2013. Vol. 107. P. 35–53.
- Finkelberg M.* The Geography of the *Prometheus Vincitus* // *Rheinisches Museum*. 1998. Bd. 141. H. 2. P. 119–141.
- Gelling P., Davidson H. E.* The Chariot of the Sun. London: Phoenix House, 1969.
- Hampe R.* Frühe griechische Sagenbilder in Böotien. Athen: Deutsches archäologisches Institut, 1936.
- Kirfel W.* Die Kosmographie der Inder. Bonn, Leipzig: Schroeder, 1920.
- Kiessling.* Πίπαια ὄρη // *RE*. 1914. 2. Reihe. Hb. I. Sp. 846–916.
- Kristiansen K., Larsson T. B.* The Rise of Bronze Age Society. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Page D.* Folktales in Homer's *Odyssey*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1973.
- Panchenko D.* Scandinavian Background of Greek Mythic Cosmography: The Sun's Water Transport // *Hyperboreus*. 2012. Vol. 18. Fasc. 1. P. 5–20.
- Panchenko D.* Anaximenean Astronomy in the Light of Chinese Parallels // *Tsinghua Studies in Western Philosophy*, 2015. Vol. I. N 2. P. 412–426.

Panchenko D. New Cultural Elements of European Origin in the Dark Ages of Attica // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2020. Vol. 26. P. 275–295.

Suchowska-Ducke P. “The Mycenaean and Europe: Long-Distance Networks and Cultural Communication” // *Aslaksen O. C. (ed.) Local and Global Perspectives on Mobility in the Eastern Mediterranean*. Athens: The Norwegian Institute at Athens, 2016. P. 63–81.

Vries J. de. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. 2. Aufl. Leiden: Brill, 1977.

West M. L. *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford: Oxford University Press, 2007.